

ПОМОРЦЕВО

Деревя, в которой
я рос, называется Поморцево
уже не один
десяток лет, а море
подлоло к нему издав-
но...

Должно быть, с пядью
горя,
Опалот гоноким моря,
Чтоб было в нем
Что-то от моря.
Назло поселенке так,
Поскольку в округе в те
годы.

Порой извиваясь у пня,
Свои невеликие воды
Струила лишь только Иня.
И часто, быть может,
в тумане,
Самим же им срубленный
дом

Замедлившим год в осенне
Казался ему кораблик.
Труба начинала хрипеться,
Сасились окна, как маяк.
А может, еще и проводник
Ок был,
Этот сезонный моря,
Скончался, должно быть,
он вскоре.
Ужеть не шель тоску,
С большим опозданием
море
Пришло к своему моряку.

АКАДЕМИЯ НАУК

Винной, когда
Работы убывало,
Нам будто явни требовал закон.
В закатный час
На конной двор, бывало,
Сквозилась музика со всех
сторон.
Вокруг печя садилась
И курили...
Убрав заслон, чтоб не сидеть
вспыхал,
Сначала о пооды, говорили,
Потом о государственнх
делах.
До всех царей умернет
добрался,
И спорили о тайнах Луны.
Тольково, по-простытнски,
обсуждались
Переплетн мира и любви,
От любопытства папаны
спораля,
Ловким слово каждое и звук
Недаром, в шутку,
Конный двор мы звали
Молкозной академией наук.

Б. ГУРЬЯНОВ

Хорошая традиция бытует
среди хлеборобов: козыбайны
лучших механизаторов укра-
шаются звездами. И звезды
эти не гаснут в лучах солнца.

12 октября в Иваново
открываются
XIX Олимпиады игры

НА СНИМКАХ (слева на-
право) члены сборной олимпий-
ской команды СССР во спор-
тивной гимнастике абсолютный
чемпион мира Михаил Вроцкий
(Москва, «Динамо»),
Мухом Прокушев и Михаил
Зачетин (Ивано-Воево) — чле-
ны сборной олимпийской
команды СССР по гребле на
кано и байдарках.
Член олимпийской сборной
команды СССР по тяжелой ат-
летике Алексей Широ и Кароль
в полусреднем весе армеец
Виктор Буренков.
Фотохроника, ТАСС.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА осталась од-
на в кабинете. Она поднялась к
столу и подошла к окну. За ним де-
жала осень. Совсем недавно тополя сто-
яли в доброй листве, а теперь они, огь-
ленные, ежились от стужи и выдражили.
Большой нехитрый лист чудом держался
за стелю. На нем отчетливо проступа-
ли тонкие прожилки. Были в этом листе
что-то жалкое и грустное.
Елена Сергеевна стала думать о не-
давно ушедшей шестидесятилетней ста-
рушке. Она во время войны потеряла
силы и теперь решила его рассказать.
Хотя бы знать, что можно. Сама ста-
рушка еще в сороч вторич амунирова-
лась сюда, да так и прижилась в сибир-
ской городке. Вот и пришла она к сво-
ему депутату просить о помощи.
Слушала Елена Сергеевна одинокую
женщину и с болью сознавала, что в
одиночестве они родственны. Она по-
старалась сделать так старушки все
возможное, хотя на это потребуются
не мало времени и сил.

На окна видна улица, сухая, пусты-
ная, с деревьями, на которых совсем
немного сохранилось буржуазней листвы.
И ушло оттого, что на плане не
есть еще войны, что ходят по земле лю-
ди с медальными рамами; грустно
от осенней поры и что на висках у нее
тоже осень...

Работает Елена Сергеевна на заводе
аппаратной. В городе ее хорошо зна-
ют. Седьмой год висит ее портрет на го-
родской Доске почета. Два сезона под
ряд избирал депутатом Совета Трина-
ды в недалеком будущем в свой каби-
нет, отведенный ей в горисполитке.
Сегодня и ней, как всегда, приходило
много людей. Они несут свои боли, оби-
ды и радости, доверяют свои сокровен-
ные мысли. От постоянного общения с
людьми, от повседневного участия в
человеческих судьбах, она сама стано-
вится богаче, чувствует большую ответ-
ственность за каждого, кто приходит к
этой уютной мажорной кабинке.

Оставшись одна, Елена Сергеевна не
сводит, будто сохранив в своей душе
приобретенное богатство. Посмотрит еще
немного у окна и начнет собираться.
Улицей Советской пройдет два кварта-
ла, свернет в закоулок и очутится пе-
ред дружителским домом, где ее квар-
тира. Этой осенью она опустела: сын
уехал в институт. К опрочечеству Елена
Сергеевна еще не привыкла и не знает,
как убить вечерние часы. Живет ожи-
даемым писем от Витальки.

В дверь осторожно постучала, Елена
Сергеевна отошла от окна и сказала:
«Войдите». Нерно порог переступил
маленький старичок с белой бородой,
с серым морщинистым лицом. Остро-
носый, со скорбным взглядом, он за-

стывшим силой сиюю фетровую шляпу
и пошел на стул. Расслабился и спя-
ловато, спеша, мотворит.
— Извинюсь за позднее посещение,
товарищ депутат. Очень прошу изви-
нения доченька.
— Прокордите, свидется. Нет основа-
ний беспокоиться.
Елена Сергеевна внимательным отды-
дела всю фигуру старичка и с грустью
подвела в горле крин уздальника. Она
узнала Адама Филипповича Скворцова.

— Построенный дружинами (моя вый-
дет в эстон и тоже в бросит). Колька
василиск противился ее убоде. ветера-
ны приводил друзей — пять человек, а ее
заставлял за ними улаживать. И все это
делалось в дни посещения школы. Сми-
гальки жонги, бил смертным боем под
плечу руку. Елена прятала книги
и такую уложила в шкатулку, зная, что
ожидало ее после возвращения.

Приходила в класс часто с опозда-
нием директор, он вел у них математи-
ку, встречал ее хмуро и неприятли-
во. Долго смотрел на ученицу и строго
проанонсил:
— Опоздала — раз в третьем каби-
нете не убрало — два. Займись уборкой,
а потом на урок. Да смотри. Сегодня нов-
ая тема — И продолжай.

— Там на чем мы остановились?
Елена переминилась с ноги на ногу,
краснела и готова была провалиться
смыслью земляю от стыда. Сорон насторо-
женных глаз саделин за ней. В такие
минуты она чувствовала себя малой и не
знала, как держаться.
Беспроботно шла в третий кабинет,
убеждавшись, что там все в порядке, во-
вращалась в класс, на свое место.
Такие сцены повторялись зачастую.
Только поздней, когда ушла от мужа
узнала: директор был в заговоре с
Колькой.

С ребенком на руках, с материнкой
заработной техникой, она осталась одна,
по школу не бросила.
Вот этот самый директор и пришел
к ней на прием в поздний час. Даже
сейчас, через долгое время, ей стано-
вилось не себе. Нисколько она не
сомневалась, что Скворцов подделал
документы, для этого она слышала ко-
рошо знала бывшего директора. В ее
правды теперь отомстить ему за про-
длые обиды, за пережитый некогда жу-
глый стыд, за неудачную жизнь.
Поговорил директор с мужем полхорошему
и можно бы все пойти иным путем,
Отмщение принесло бы ей, хоть и за-
должало во удовлетворение...
Елена Сергеевна поддала в себе ин-
стинктивную слабость и твердо решила, надо
разобраться по существу. Может, и
вправду старик не виноват.
Еще ей сильно хотелось, чтобы был
ней директор не узнал бышнюю свою
ученицу.

Елена Сергеевна пообещала сделать
все возможное. Уходя, старик сказал:
— Так я наведалься, доченька. Уж
ты устрои мне, а я в долгу не оста-
нусь... У тебя большая власть...
Закрывается дверь за Скворцовым и
на Елену Сергеевну сиюю навалились
воспоминания. Они им не протянулись...
Училась не дала война. Ушла из шес-
того класса вынужденно. Мать тяжело
болела, получила похоронную на отца.
После войны поговаривали и ней Колька
Фавулин. Был ея в госпору семна-
дцать лет и три месяца. Потом с подру-

тами записалась в вечернюю школу,
где работала техничкой.
Что, прятать респлаз — сказала
Колька, как только узнал об этом —
Полнодочной женщины учеба во вред.
Заботы не буду о муже. Денег я на-
работываю порядочно. Сплннл протрону-
лю, не беспокояйся. Смотри, как бы чего
не вышло...

Поздний посетитель

Да того самого Скворцова, что был ди-
ректором вечерней школы. Прержими
оставил глаза плурозалье, годские и
бессильности. Не было в них только
прежней уверенности и самоувереннос-
ти. Навидно давнеедальнее, а по впе-
чатленности такое близкое. Захотелось
разом сказать этому Скворцову злое,
обидное. Но не удалось. Может, у челове-
ка стислось большое горе, а она будет
сводить личное счеты. Нельзя давать
волю своей слабости.

— Слушай вас, — сую выдала на
себя Елена Сергеевна, садясь за стол.
— С просбой я к вам, доченька. С
большой. Уж кому, как не вам, нашей
девушке, и вдова старинку. Изба-
вить его от напрасланы.
Глухим и сильным голосом, старинко-
ведаль историю, что привела его и де-
путату. Совсем недавно урелили его пен-
сию только потому, что в его докумен-
тах обнаружили фальшь. В одной справ-
ке была завышена зарплата. А он и
плать почтено не знает о той подделке.
Получал столько, сколько указало в
справке. На старости лет — обманяют
в таких гредлах.

Елена Сергеевна пообещала сделать
все возможное. Уходя, старик сказал:
— Так я наведалься, доченька. Уж
ты устрои мне, а я в долгу не оста-
нусь... У тебя большая власть...
Закрывается дверь за Скворцовым и
на Елену Сергеевну сиюю навалились
воспоминания. Они им не протянулись...
Училась не дала война. Ушла из шес-
того класса вынужденно. Мать тяжело
болела, получила похоронную на отца.
После войны поговаривали и ней Колька
Фавулин. Был ея в госпору семна-
дцать лет и три месяца. Потом с подру-

там записалась в вечернюю школу,
где работала техничкой.
Что, прятать респлаз — сказала
Колька, как только узнал об этом —
Полнодочной женщины учеба во вред.
Заботы не буду о муже. Денег я на-
работываю порядочно. Сплннл протрону-
лю, не беспокояйся. Смотри, как бы чего
не вышло...

Поздний посетитель

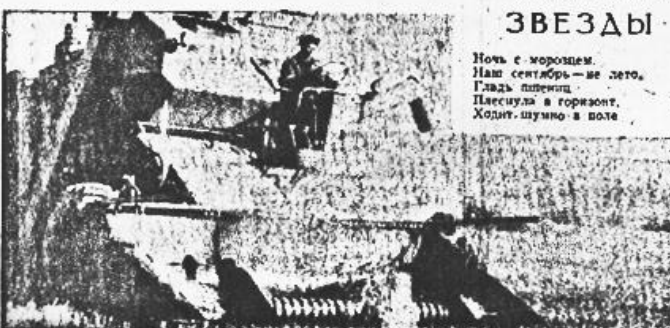
Да того самого Скворцова, что был ди-
ректором вечерней школы. Прержими
оставил глаза плурозалье, годские и
бессильности. Не было в них только
прежней уверенности и самоувереннос-
ти. Навидно давнеедальнее, а по впе-
чатленности такое близкое. Захотелось
разом сказать этому Скворцову злое,
обидное. Но не удалось. Может, у челове-
ка стислось большое горе, а она будет
сводить личное счеты. Нельзя давать
волю своей слабости.

— Слушай вас, — сую выдала на
себя Елена Сергеевна, садясь за стол.
— С просбой я к вам, доченька. С
большой. Уж кому, как не вам, нашей
девушке, и вдова старинку. Изба-
вить его от напрасланы.
Глухим и сильным голосом, старинко-
ведаль историю, что привела его и де-
путату. Совсем недавно урелили его пен-
сию только потому, что в его докумен-
тах обнаружили фальшь. В одной справ-
ке была завышена зарплата. А он и
плать почтено не знает о той подделке.
Получал столько, сколько указало в
справке. На старости лет — обманяют
в таких гредлах.

Елена Сергеевна пообещала сделать
все возможное. Уходя, старик сказал:
— Так я наведалься, доченька. Уж
ты устрои мне, а я в долгу не оста-
нусь... У тебя большая власть...
Закрывается дверь за Скворцовым и
на Елену Сергеевну сиюю навалились
воспоминания. Они им не протянулись...
Училась не дала война. Ушла из шес-
того класса вынужденно. Мать тяжело
болела, получила похоронную на отца.
После войны поговаривали и ней Колька
Фавулин. Был ея в госпору семна-
дцать лет и три месяца. Потом с подру-

П. ШМАКОВ

ЗВЕЗДЫ

Ночь с морозцем.
Наш сентябрь — не лето,
Глядь плещи
Плещула в горизонт,
Ходит шумно в поле

до расвета
Боевой бессонный эскадрон.
Не был, что
Только гремя зорька —
На плещину упадет роса,
От дорог вылет
ползнию горько.

Во всех краях России
Волей,
Вдохновенным
И трудом
Ни гореть —
И выше намотом,
Ни гореть —
И закроа полней,
Легче старт
Сверхибыстрых самолетов,
Спутником
Короче путь и Луны,
Ветер смел спеша,
Туманов роздыня,
Ворота зерна опять расти,
Салютует солнце нашим
звездам —
Цела Галактика в пути!

И машин умолкнут голоса,
В кебе, вдруг померкнув,
Звезды гаснут,
Но в лучах становится ясней
На комбайнах,
Утверждаюсь альюсто,
Пламенею в солнечном огне.
Жарине,
Лучистые —
Живые!
Их все больше
С каждым новым днем,
Им гореть

Редитор П. П. КОЗЛОВ.
ОП 13514